

**КАФЕДРА ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Еврейская речь

выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

DEPARTMENT OF JEWISH CULTURE
of
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

The Jewish Speech

Issue 1

SAINT PETERSBURG

2013

Ответственный редактор: проф. И. Р. Тантлевский
Редакционный совет: проф. Е. Б. Марьянчик (общая редакция),
доц. Ю. Н. Кондракова,
ст. преп. В. В. Федченко,
асс. Д. В. Ромашов
Технический секретарь: Н. М. Кузнецова

Managing Editor: Professor I. R. Tantlevskij
Editorial Board: Professor E. B. Maryanchik (general editing),
Associate Professor Y. N. Kondrakova,
Senior Lecturer V. V. Fedchenko,
Assistant D. V. Romashov
Technical Secretary: N. M. Kuznetzova

Издано при финансовой поддержке
Published with the financial support of

Genesis Philanthropy Group
в рамках благотворительной программы CAF Россия «Еврейские сообщества»

Genesis Philanthropy Group
under the CAF Russia program "The Jewish Communities"

AMERICAN JEWISH JOINT
DISTRIBUTION COMMITTEE

Санкт-Петербургского отделения Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)

The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)
Saint Petersburg Branch

От редакции

Идея создания серии сборников трудов «Еврейская речь» возникла, прежде всего, на основании того, что одной из важнейших составляющих учебной программы Кафедры еврейской культуры СПбГУ является изучение еврейских языков. Изучение языка любого народа – вернейший и кратчайший путь к постижению основ его ментальности, этоса. Еврейская же культура, будучи преемницей древних цивилизаций Ближнего Востока, современницей античной философии и литературы, изысканной и утонченной средневековой арабской и персидской словесности – это культура речи, слова *par excellence*. В течение тысячелетий еврейская мысль скрупулезно работает со словом Танаха, Талмуда, постигая смысл этих текстов и порождая новые...

Слово – предвечно, как и составляющие его двадцать две буквы еврейского алфавита. Эта концепция лежит в основе еврейской мистики, которая рассматривает весь мир как отражение текста – текста Торы, который есть идея задуманного Б-гом мира. Итак, слово мыслимое, изреченное или записанное, одним словом – речь...

Первый выпуск сборника открывает новый этап в развитии Кафедры еврейской культуры – ведущего центра иудаики в Санкт-Петербурге. Это также новый этап в развитии отечественной иудаики, поскольку до сих пор еще не было издания на русском языке, претендующего на столь широкую проблематику и не ограничивающегося одним языком.

Все материалы, помещенные в сборнике, публикуются впервые, включая переводные статьи. Сборник изначально ориентирован на максимально широкий круг читателей, от которых не требуется владение еврейскими языками. Именно поэтому редакционный совет принял решение публиковать все материалы по-русски.

Сборник задуман как продолжающееся издание с перспективой преобразования в первый российский научно-теоретический журнал, посвященный еврейским языкам. Именно в Санкт-Петербурге сосредоточены самые крупные в мире коллекции еврейских рукописей, именно здесь зародилась российская академическая иудаика и еврейское просвещение, исторически сложилась сильная школа идиша со своими традициями, постепенно складывается центр изучения и преподавания иврита федерального значения.

Поэтому Санкт-Петербургскому государственному университету логично стать флагманом в деле изучения еврейских языков. Мы также убеждены, что со временем будет расширяться круг языков и проблем, исследуемых в «Еврейской речи».

И. Р. Тантлевский

К. Дубнова (г. Иерусалим, Израиль)

«Конструкции состояния» в современном иврите – история развития

Введение

Эта статья посвящена одной из самых спорных, синтаксически неоднозначных конструкций в иврите. Одни израильские лингвисты рассматривают ее как «обстоятельство состояния», другие как «определение состояния», третьи как «второстепенное сказуемое». Назовем ее условно конструкцией **С** (то есть конструкцией состояния). В самом простом случае, это предложения типа **הזרנו הביתה עייפים**, по форме и по содержанию аналог русского предложения *Мы вернулись домой усталые* (иногда с добавлением *но довольные*). Назовем этот тип предложения конструкцией **С1**. Этот пример-клише в израильских школьных учебниках синтаксиса не менее типичен, чем аналогичный русский, и школьникам предписывается разбирать его как предложение с обстоятельством состояния (תיאור מצב). Сразу заметим, что в современном иврите, как и в русском, возможен и иной порядок слов: **עייפים אך מרוצים** חזרו החניכים הביתה (Усталые, но довольные, воспитанники вернулись домой). В русской традиции слово *усталые* в предложении такого типа считается одним из видов обособленного определения, иногда называется также обстоятельственным определением. По-русски в той же функции может употребляться и творительный падеж вместо именительного: *Он вернулся домой усталым*.

Продемонстрируем на примерах еще две, менее типичные для учебников, но очень характерные для прозы на современном иврите конструкции, которые, на первый взгляд, подлежат такому же синтаксическому разбору как конструкция **С1**:

Конструкция **С2** [קציר, 1999, 95]:

Я поцеловала ее в правую щеку, помня, **נשקתי על לחייה הימנית,** (1)
что паралич с левой стороны. **זוכרת שהשיתוק בצד שמאל.**

С точки зрения синтаксического разбора, выделенный оборот – это такое же «обстоятельство состояния», как **עייפים** в предложении **הזרנו עייפים**, только более распространенное. Однако при наличии формы причастия (оно же настоящее время) глагола с обязатель-

ным дополнением (или придаточным изъяснительным, то есть аналогом дополнения с собственной пропозицией, как в данном случае) конструкция «состояния» переводится на русский язык деепричастным оборотом, а не обособленным определением.

Конструкция СЗ [217, 2012, פיגל]:

букв.: *Спина его повернута к ней,* גבו מופנה אליה, עמד (2)
стоял Рост перед зеркалом платяного רוסט לפני המראה של
шкафа и поправлял волосы, ארון הבגדים והיטיב
 то есть: *Повернувшись к ней спиной,* שערותיו.
Рост стоял...

Здесь в качестве «обстоятельства состояния» выступает бессоюзное придаточное со структурой именного предложения. Подлежащее этого придаточного (גבו) имеет притяжательную флексию, согласованную с подлежащим главного предложения (רוסט). Аналогичная конструкция возможна в английском и немецком языках (в начале предложения характерна именно для немецкого), на литературный же русский язык она обычно переводится причастным оборотом или словосочетанием с предлогом с.

Приведенные примеры вызывают целый ряд вопросов; одни из них касаются синхронного описания и синтаксического анализа современного иврита, другие – происхождения таких конструкций. В «синхронной» части данной статьи обсуждаются давно опубликованные идеи, в сущности, споры израильских лингвистов о конструкции состояния, историческая же часть, по-видимому, впервые обсуждается в научной литературе об иврите. Какие из приведенных конструкций представлены в классическом, в частности, библейском иврите, а какие – только в современном? Можно ли считать «новые» конструкции естественным развитием "старых" или же современный иврит позаимствовал их из других языков? Когда именно они появились? В этой статье сделана попытка хотя бы отчасти ответить на эти вопросы.

Синтаксическая роль «конструкции состояния»

В своей известной книге "המשפט הפשוט" («Простое предложение») Уззи Орнан описывает конструкции состояния дважды – в главе об определениях и в главе об обстоятельствах, как будто

затрудняясь решить, к какому классу членов предложения она относится. В главе об определениях он особо выделяет מצב: «Определение состояния – это причастие или прилагательное (или словосочетание, ядром которого является причастие или прилагательное), согласованное в роде и числе с подлежащим или дополнением предложения; оно не имеет определенного артикля, и можно изменить его место в предложении (то есть оно не обязательно присоединено к своему ядру)». Такой нефиксированный порядок слов приводит к тому, что при одинаковом роде и числе подлежащего и дополнения трудно понять, к какому из этих членов относится «состояние», и предложение в целом является двусмысленным. Пример Орнана: הנער תפס את השודד רועד מפחד, то есть *Мальчик поймал грабителя, дрожа от страха* или же *Мальчик поймал грабителя дрожащим от страха* [97, 1979, אורנן]. В главе об обстоятельствах та же конструкция описывается под другим названием – תיאור מצב: «В отличие от других обстоятельств, обстоятельство состояния имеет исключительные свойства, более похожие на свойства определений. Как и определение, оно согласовано с именем в роде и числе [...], однако не согласовано с ним в категории определенности и не обязательно расположено в непосредственной близости от имени». Еще Орнан отмечает, что – в отличие от стандартных определений – определения (они же обстоятельства) состояния согласуются только с подлежащим или с дополнением, а не с любым существительным в предложении [134–133, 1979, אורנן].

Ицхак Цадка [1997, צדקה] предложил считать такие конструкции «сказуемым состоянием», а точнее неполным предложением в составе сложносочиненного предложения. Приведя ранние израильские работы по синтаксису (Ицхака Переца, Симхи Нагира и Мордехая Йоэли), называющие С «определением состояния» или же «обстоятельством состояния», Цадка отвергает оба варианта: «Это не определение, но и не обстоятельство; обстоятельства характеризуют сказуемое с той или иной стороны и не согласованы с подлежащим в роде и числе. По функции своей, обстоятельство не может определять имя (подлежащее или дополнение)» [310, 1997, צדקה], и далее: «Определение имеет артикль, если он есть в определяемом существительном, а «определение состояния» не имеет. Определение как правило следует непосредственно за определяемым, а «определение состояния» может стоять и в начале предложения [...]. Итак,

что такое «обстоятельство состояния» – определение или обстоятельство? Ни то, ни другое. Это сказуемое [...]» [311–310, 1997, צדקה]. По мнению Цадки, конструкция состояния является, в сущности, целым предложением, подлежащее которого опущено, так как оно тождественно подлежащему или дополнению основного предложения и понятно из контекста, например:

Этот человек умер старым = *Этот* האיש מת זקן = האיש מת זקן (3)
человек умер; он был старым. והוא זקן

Уззи Орнан [134, 1979, אורנן] считает предложение Цадки спорным; он обращает внимание на то, что вообще всякое определение является трансформацией сказуемого. В ответ на критику Цадка пишет (в примечании ко второму изданию [319, 1997, צדקה]): «Действительно, в основе определения тоже лежит сказуемое, однако это не одно и то же. Обстоятельство состояния может выражаться глаголом, а всякий финитный глагол является сказуемым и может иметь при себе зависимые члены предложения, причем не только дополнение, но и придаточное изъяснительное [...]». Цадка заключает, что нельзя считать ни определением, ни обстоятельством член предложения, имеющий в своем составе дополнение в форме придаточного изъяснительного.

Возвращаясь к введению, напомним, что конструкцию состояния, включающую глагол с дополнением или придаточным изъяснительным, мы обозначили как тип С2 (пример 1). Наиболее естественный перевод такой конструкции на русский язык – это деепричастный оборот, синтаксическая функция которого вызывает споры и в русском языкознании. А.А. Шахматов считал деепричастный оборот «второстепенным сказуемым», то есть рассматривал предложение с деепричастным оборотом как простое полипредикативное, с одним подлежащим и двумя или более сказуемыми (в данном случае неоднородными), а не как сложносочиненное, и многие другие ученые приняли эту точку зрения [Шахматов, 1941, 46]. Возможно, такой подход приемлем и для иврита. Однако можно ли применить его к конструкции С3 (пример 2)? На первый взгляд, это сложносочиненное предложение: оно состоит из двух самостоятельных предложений, каждое со своим подлежащим и сказуемым. Похожий пример приводится в учебнике Йозли [69, 1962, יואלי]:

Их палки в их руках и из узлы на их плечах (то есть с палками в руках и узлами на плечах), или исходящие из Египта по пустыне. מקלם בידיהם וצרוּרם על כתפיהם צעדו יוצאי מצרים במדבר השומם. (4)

Однако для составляющих сложносочиненного предложения обычно характерно отсутствие грамматической зависимости друг от друга, а в конструкции **С3**, наблюдаемой в современном иврите, подлежащее обязательно имеет притяжательную флексию, согласованную с подлежащим (реже с дополнением) основного предложения. В этом выражается неравноправность обеих составляющих, и все предложение в целом скорее напоминает сложноподчиненное предложение с главным и придаточным, чем сложносочиненное, хотя подчинительная связка отсутствует. С нашей точки зрения, все три типа конструкции **С** являются бессоюзными придаточными особого типа в составе сложноподчиненного предложения: все они обладают собственным предикатом, однако зависимы от главного предложения, а не равноправны ему. Оставим пока открытым вопрос о том, имеет ли этот тип придаточного непосредственную синтаксическую связь с глагольным сказуемым главного предложения, подобно обстоятельственным придаточным, например, времени или причины. Во многих случаях конструкции **С2** и **С3** тяготеют к этим видам придаточных с точки зрения семантики: пример 1 легко перефразировать как предложение с придаточным причины:

Я поцеловала ее в правую щеку, так как помнила, что паралич с левой стороны. נשקתי על לחיה הימנית כי זכרתי שהשיתוק בצד שמאל. (5)

Однако с точки зрения синтаксиса не всегда очевидно, что конструкция **С** связана именно со сказуемым, во всяком случае, она связана не только с ним. Возможно, уместнее рассматривать ее как сентенциальное придаточное, то есть относящееся ко всему главному предложению в целом.

Конструкции С в древнем иврите

Конструкция С1 нередко употребляется в библейском иврите, как в согласовании с подлежащим, так и в согласовании с дополнением. Изредка С1 встречается и в талмудическом иврите. Специфическая особенность конструкции С1, согласованной с подлежащим в современном иврите, по сравнению с древним – это свободный порядок слов. В Танахе конструкция С почти всегда стоит после глагольного сказуемого. Вот несколько примеров¹:

И скончался Ицхак, и умер, и וַיָּגוּעַ יִצְחָק וַיָּמָת וַיֵּאָסֶף אֵל עַמּוּיוֹ זָקֵן וְשָׂבַע יָמִים (6)
приобщен был к народу своему,
старый и насыщенный днями. (Быт. 35:29)

...и веселым иди с царем на пир (Есф. 7)
וּבָא עִם הַמֶּלֶךְ אֶל הַמְּשָׁתָה שְׂמֵחַ (7)
5:14)

...а Аман поспешил к себе домой, וְהָמָן נִדְחַף אֶל בֵּיתוֹ אָבִל (8)
удрученный и покрыв голову (Есф. 6:12).
וְהִפְּוִי רֹאשׁוֹ

С1 может стоять после глагола и перед другими зависимыми словами:

Если же не перейдут они с вами וְאִם לֹא יַעֲבְרוּ חִלּוּצִים (9)
вооруженные, то они получают אֶתְכֶם וְנִאֲחָזוּ בְּתַכְכֶּם
владение среди вас в земле Кенаан בְּאֶרֶץ כְּנָעַן
(Чис. 32:30)

Примеры с обратным порядком слов, где С1 стоит перед глаголом, крайне редки и стилистически маркированы. Вот пример из книги Руфь, из поэтизированной прямой речи Нооми:

Уходила я в достатке [букв.: полной – אֲנִי מְלֵאָה הַלֶּכְתִּי וְרִיקָם (10)
К. Д.], а возвратил меня Г-сподь с הַשִּׁיבֵנִי ה'
пустыми (руками). (Руф. 1:21)

¹ Все примеры из Танаха приводятся с русским переводом Давида Йосифона, изданным издательством «Мосад ha-рав Кук», 1975, с небольшими изменениями транслитерации древнееврейских имен собственных, например, шва подвижное, обозначенное у Йосифона *ы*, а также цере, обозначенное *эй*, заменены на более привычное *е*.

Конструкция С1 согласованная с дополнением, также встречается в Танахе, обычно в конце предложения:

И увидела Сара, что сын Агари, Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается (Быт. 21:9).
 וַתֵּרָא שָׂרָה אֶת בֶּן הָהָר (11)
 הַמִּצְרַיִת אֲשֶׁר יָלְדָה
 לְאַבְרָהָם מִצִּיחָק.

В Мишне и в современных ей мидрашах есть несколько примеров конструкции С1, выраженной причастием; вот один из них:

Царь Агриппа стоял и принимал (свиток Торы), и читал стоя (Сота 7:8).
 אַגְרִיפָס הַמֶּלֶךְ עָמַד וְקִיבֵל (12)
 וקרא עומד.

Такие примеры в талмудическом иврите сравнительно редки; гораздо чаще встречаются придаточные, вводимые словосочетанием -כִּשְׁ, например:

Нельзя человеку заходить в грязные переулки и читать «Слушай, Израиль». Более того, даже если он зашел туда уже начав читать – должен сделать перерыв (Тосефта, Брахот, 2:19).
 לֹא יִכְנַס אָדָם בַּמְבוּאוֹת הַמְטוּנָפוֹת וַיִּקְרָא אֶת שְׁמֵעַ. (13)
 וְלֹא עוֹד אֵלָּא אִפְּיֵלוּ כִּנְסוּ
 כִּשְׁהוּא קוֹרֵא הָרִי זֶה
 מִפְּסִיק עַד שֵׁיצֵא מֵרְשׁוֹת
 כָּל אוֹתוֹ מִקּוֹם וַיִּקְרָא

Цадка приводит любопытный пример из Мишны (из трактата Авот), в котором конструкция С выражена существительным. На русский язык она переводима только с помощью творительного падежа:

Учащийся ребенком (или: будучи ребенком) на что похож? На чернила, написанные на новой бумаге (Авот 4:20).
 הַלֹּמֵד יֶלֶד לְמָהּ הוּא דוֹמֵה, (14)
 לְדִיו כְּתוּבָה עַל נִייר חָדָשׁ

Возможно, сопоставление этого примера с библейским:

Йосеф семнадцати лет пас с братьями своими мелкий скот, будучи отроком (Быт. 37:2)
 יוֹסֵף בֶּן שִׁבְעַ עָשָׂרָה שָׁנָה (15)
 הִגָּה רֵעָה אֶת אָחָיו בְּצֹאן
 וְהוּא נֶעֶר

привело Цадку к выводу, что все конструкции С являются синтаксически независимыми пропозициями в составе сложносочиненного предложения.

В Танахе встречаются конструкции С с зависимыми словами, однако эти конструкции, как правило, являются причастными формами переходных глаголов, а зависимые от них словосочетания – обстоятельством места.

...а Датан и Авирам вышли, **וְדָתָן וְאַבְרָהָם יָצְאוּ נֹצְבִים** (16)
остановясь у входа шатров своих с **פָּתַח אֹהֲלֵיהֶם וּבְשֵׁיהֶם**
женами своими и сыновьями своими, и **וּבְנֵיהֶם וְטַפָּם**
с малыыми детьми своими (Чис. 16:27)

И сообщено было Йеошуа так: «Нашлись пять царей, (они) скрываются в **וַיִּגְדַּד לַיהוֹשֻׁעַ לֵאמֹר נִמְצְאוּ** (17)
пещере, в Маккеде» (Нав. 10:17). **חַמִּשָּׁת הַמְּלָכִים נִהְבְּאוּ**
בְּמַעְרָה בְּמַקְדָּה

При глаголе **נִהְבְּאוּ** (спрятаться), и особенно при глаголе **נִצַּב** (вставать) именное словосочетание, означающее место, является обязательным. Возможно, эти примеры можно считать конструкцией С2, которую мы определили как С в виде причастия с зависимыми словами. В одном случае найден пример С с причастием переходного глагола и прямым дополнением:

И поразит Г-сподь Израиля, (и будут **וְהָפָה ה' אֶת יִשְׂרָאֵל כְּאֶשֶׁר** (18)
он), как тростник, колеблющийся в **יְנוּד הַקִּנָּה בַּמַּיִם וְנִתַּשׂ אֶת**
воде, и вырвет израильтян из этой **יִשְׂרָאֵל מֵעַל הָאֲדָמָה**
доброй земли, которую дал отцам их, **הַטּוֹבָה הַזֹּאת אֲשֶׁר נָתַן**
и рассеет их по ту сторону реки, за **לְאַבוֹתֵיהֶם וְרָם מֵעַבְרַ**
то что сделали они ашерим себе **לְנֶהָר יַעַן אֲשֶׁר עָשׂוּ אֶת**
(истуканов Ашеры), гневя Г-спода **אֲשֶׁר־יָהִם מִכְעִיסִים אֶת ה'**
(1Цар. 14:15).

Идентична ли синтаксическая структура последней части этого стиха конструкции С2, проиллюстрированной примером из современной ивритской литературы? Было бы легче судить об этом на основании большего количества примеров. В сравнительно близком библейскому ивриту классическом арабском как раз употребляется причастие («халь») в такой же конструкции (С1 и С2), как в современном иврите, в Танахе же найти С2 чрезвычайно трудно.

Редки в Танахе и примеры С3, то есть конструкции С, выраженной именным предложением с притяжательными флексиями,

согласованными с подлежащим главного предложения. Один яркий пример удалось найти в книге А.Б.Давидсона [Davidson, 1896, 188]:

Почему же вижу Я у каждого мужчины руки на чреслах его, как у роженицы, а лица у всех позеленели? (Иер. 30:6).
 מדוע ראייתי כל-גבר ידיו על-חלציו פיוֹלְדָה וְנִהְפְּכוּ כָּל פָּנִים לִרְקוּן (19)

В отличие от современного литературного иврита, в языке Танаха встречаются конструкции С и без грамматических корреляций с главным предложением, то есть без притяжательных суффиксов:

И передвинулся он оттуда к горе, к востоку от Бейт-Эля; и раскинул шатер свой: Бейт-Эль с запада, а Ай с востока; и построил там жертвенник Господу, и призвал имя Г-спода (Быт. 12:8).
 וַיַּעֲתֵק מִשָּׁם הַהָרָה מִקֶּדֶם לְבֵית אֵל וַיֵּט אֶת־הַאֹהֶל בְּיַת אֵל מִמֶּיִם וַהֲעִי מִקֶּדֶם וַיִּבֶן שָׁם מִזְבֵּחַ לַה' וַיִּקְרָא בְּשֵׁם ה' (20)

Гораздо чаще конструкций С всех перечисленных типов в библейском иврите употребляется так называемый спрягаемый инфинитив с предлогом -ב или -כ. Наиболее известен, наверное, пример из Второзакония, 6:7

И тверди их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и когда ты ложишься и когда ты встаешь.
 וְשִׁנַּנְתָּם לְבָנֶיךָ וְדַבַּרְתָּ בָם בְּשֹׁבְתְךָ בְּבֵיתְךָ וּבְלִקְחְךָ בְּדֶרֶךְךָ וּבְשֹׁכְבְךָ וּבְקוּמְךָ (22)

Конструкции С в литературе просвещения

В работе о системе времен в иврите писателей Просвещения (маскилим) Лили Кан приводит несколько примеров конструкции С с причастиями, согласованными с дополнением главного предложения [Okalani-Kahn, 2009, 134]. В таких случаях сказуемым главного предложения является глагол чувственного восприятия, например, видеть или слышать: ראייתי אישה שוכבת על הארץ (*Я видел женщину, лежащую на земле*). Такие примеры, отмечает Кан, сопоставимы с библейским:

И услышали голос Г-спода Б-га, ходящего в саду в прохладе дня (Быт. 3:8). (23)
 וַיִּשְׁמְעוּ אֶת קוֹל ה' אֱלֹהִים
 מֵתְהַלֵּךְ בְּגֶן לְרֵיחַ הַיּוֹם

Нас больше интересует, есть ли в литературе этого периода С, а в особенности С2, согласованные с подлежащим, так как именно эта конструкция пользуется исключительной популярностью в современной израильской литературе.

О том, кто из писателей первым стал пользоваться этой конструкцией, при большом многообразии авторов, судить, конечно, нельзя, но очевидно, что в творчестве одного из самых влиятельных маскилим – Абрамовича (Менделе Мойхер-Сфорима), данная функция причастия встречается очень часто, причем в поздних произведениях гораздо чаще, чем в ранних. В его раннем романе «Отцы и дети» есть, например, такое предложение:

Несколько часов просидел Давид один в своей комнате, надеясь увидеть и услышать, о чем же договорятся на его счет, и его воображение разыгралось в полную силу. (24)
 שעות אחדות ישב דויד לבדו בחדר, מצפה לראות ולשמוע מה אחרית כל המדבר בו, ודמיונו משחק לפניו בכל עוז.
 [אברמוביץ, 1868, 152]

В этом примере есть одновременно и С2, и С3. Как известно, в 70-е годы и в начале 80-х годов XIX века Менделе Мойхер-Сфорим писал исключительно на идише, а позднее вернулся к ивritу, сосредоточившись в основном на переводах собственных произведений с идиша.

Интересно сопоставить конструкцию С в поздних текстах Мойхер-Сфорима, то есть автопереводах, с параллельными фразами на идише. В аллегорической повести "סוסתי" («Кляча», на идише – "די קליאַטשע") конструкция С2 употребляется многократно, в абсолютном большинстве случаев – в пояснениях к прямой речи, например [1912, 1913, מוכר ספרים]:

<p>Так-то оно так – сказал я ей, слегка почесываясь и вспоминая легенды, которые я учил к экзамену</p>	<p>כך הוא, כך – אמרתי לה, מתחכך שעה קלה ונוזכר באותם דברי אגדה, שהייתי לומדם לצורך הבחינה.</p>	<p>הא, אפשר איז טאָקי אַזוי, זאָג איך איהר קראַצענדיג אַוויילע, און דערמאָן מיך אין יענע מעשיות, וואָס איך האָב געלעהרענט צו דעם עקזאַמען.</p>	(25)
--	--	--	------

Причастие מתחכך является переводом деепричастной формы קראַצענדיג.

В следующем примере ивритское причастие служит переводом переходного глагола זען (*видеть*), то есть представляет собой конструкцию C2:

<p>– Мама, что это? – удивляюсь я, видя мою мать плачущей (на идише «видя, как она плачет») и проникаясь жалостью к ней – Почему ты плачешь, мама?</p>	<p>אמי, מה זאת? – תוהא אני, רואה את אמי בוכיה ומתמלא עליה רחמים – למה תבכי, אימא?</p>	<p>מאַמע, וואָס טוהט זיך? דא אַזוינס? – זאָג איך מיט גרויס רחמנות אויף דער מאַמען, זעהענדיג זי, ווי זי וויינט – וואָס וויינסטו, מאַמע?</p>	(26)
--	---	--	------

В большинстве случаев причастие в конструкции C является переводом деепричастия на идише, но не всегда. Иногда в параллельном идишском тексте имеется другая конструкция, например, сложносочиненное предложение. Такая же картина наблюдается в другой повести Менделе Мойхер-Сфорима «*Фишка Хромой*» (на идише קרעמער דער פּיִשקע, на иврите ספר הקבצנים, то есть «*Книга о нищих*»): чаще всего причастные конструкции C на иврите параллельны деепричастиям с окончанием ענדיק/ענדיג на идише, но полного соответствия нет. Н. Штиф отмечал, что деепричастные формы с окончанием ענדיק не были приняты в литературе на идише до Мойхер-Сфорима [169–153, 1930, שטיף]. Не исключено, что широкое употребление деепричастий в русском литературном языке повлияло на творчество Мойхер-Сфорима на обоих языках – на иврите и на идише.

Конструкции С в ранних переводах произведений русской литературы на иврит

В русском литературном языке деепричастия употребляются начиная с семнадцатого века и по происхождению являются застывшими формами причастий. В классических произведениях прозы девятнадцатого века деепричастия настоящего и прошедшего времени представлены широко и разнообразно. Некоторые из этих произведений были переведены на иврит уже в начале двадцатого века. Возникает вопрос, пользовались ли эти первые переводчики ивритскими причастными формами для перевода русских действительных причастий настоящего времени или же использовали какие-то другие конструкции?

В романе Толстого «Война и мир» в переводе Йосефа Тривоша (вышедшем в двадцатые годы в варшавском издательстве «Штибл»; первый том вышел в 1920 г.) предложениям с деепричастными оборотами соответствуют не причастные обороты, а сложносочиненные предложения, придаточные со спрягаемым инфинитивом и другие конструкции. Интересно, что и во втором (и пока последнем) переводе «Войны и мира», вышедшем в начале 60-х годов XX века, переводчица – Лея Гольдберг – почти всегда воздерживается от перевода русских деепричастных оборотов ивритскими причастными, зато постоянно использует спрягаемый инфинитив, придаточное, вводимое *-ש* или сложносочиненное предложение. Вот, в качестве иллюстрации, несколько предложений с деепричастными оборотами из сцены сватовства Анатоля Курагина к Мари Болконской (третья часть первого тома), с обоими переводами [1960, 1920, טולסטוי]:

русский текст	перевод Тривоша	перевод Гольдберг
...но Анатолий молчал, покачивал ногой, весело наблюдая прическу княжны.	אך אנטול נענע ברגלו בשעת שתיקתו, והסתכל בפנים שמחים בתסרוקתה של העלמה הנסיכית.	אך אנטול שתק, בהנידו את רגלו, והתבונן בעליזות בתסרוקתה של הנסיכה.

(27)

«Очень недурна! – думал он, огляды-вая ее, очень недурна эта <i>demoiselle de compagnie</i> ».	"לא כעורה כלל!" – אמר בלבו בהסתכלו בה. לא כעורה כלל היא בת לוויה זו.	"נאה למדי!" הרהר בהתבוננו בה. "נאה מאוד, זו המדמואזל די קומפני".	(28)
Старый князь не-торопливо одевался в кабинете, хму-рясь и обдумывая , что ему делать.	והנסיך הזקן לבש את בגדיו במתינות בהדר עבודתו ובפנים נזעמים חשב את דרכו.	הנסיך הזקן היה מתלבש בהדרו במתינות, כשהוא מזעם פניו ושוקל בדעתו מה עליו לעשות.	(29)
Так думал, оде-ваясь , князь Нико-лай Андрееч	כה דיבר הנסיך ניקולי אנדראיץ' עם לבבו בלבשו את בגדיו	הנה כך הרהר בלבו הנסיך ניקולאי אנדראיץ', כשהוא מתלבש .	(30)
Нет, я перешел в армию, – отвечал Анатоль, едва удер-живаясь от смеха.	- לא, כי עברתי אל חיל הרגלים – השיב אנטול ובידיעה התאפק מצחוק.	לא. עברתי לארמיה, לחיל-הרגלים השיב אנטול כמעט-כמעט והוא עוצר את צחוקו .	(31)

Почти одновременно с «Войной и миром» был переведен на иврит и роман Достоевского «Преступление и наказание»; перевод вышел в том же издательстве «Штибл» в 1924 году, уже после гибели переводчика – Йосефа Хаима Бреннера. Творчество Бреннера не ориентировано на какой-либо классический нормативный стиль, а на создание «новой» литературы; по сравнению с «Войной и миром» Тривоша, в этом переводе несколько меньше специфически библейских словоформ, больше заимствованных слов и калек. У Достоевского очень много деепричастных оборотов; и некоторые из них переведены на иврит причастными оборотами в конструкции С. Приведенные ниже три примера демонстрируют употребление конструкции С, два из них – конструкции С2, то есть причастия переходных глаголов с прямыми дополнениями в виде именного словосочетания или придаточного.

После Бреннера роман «Преступление и наказание» переводился на иврит еще четыре раза – его перевели Менахем Вольфовский (1961), Эстер и Зеев Змири (1988), Цви Арад (1993) и Петр Криксунов (1995). Для сравнения в таблице указано, употреблена ли и в позднейших переводах (Вольфовского, Змири и Криксунова – сокращенно п. В., п. З. и п. К. соответственно) конструкция С в параллельных примерах. Конечно, такая популярность русского ро-

мана среди переводчиков на иврит исключительна, и систематическое сравнение вариантов перевода может служить важным инструментом для изучения истории современного литературного иврита. Здесь мы приводим лишь микроскопический фрагмент сопоставления переводов деепричастных оборотов, употребленных в этом романе.

русский текст	перевод Бреннера	п. В.	п. З.	п. К.	
<i>К довершению, де-вушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны.</i>	התמונה הלכה הנערה בצעדים לא בטוחים, נתקלת ואף מתנוודדת לצדדין.	הילוכה היה כושל	היא פסעה בצעדים כושלים	הליכתה... לא הייתה יציבה, רגליה כשלו	(32)
<i>Кох остался, пошевелил еще раз тихонечко звонком, и тот звякнул один удар; поом тихо, как бы размышляя и осматривая, стал шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтобы убедиться еще раз, что она на одном запоре.</i>	קוך נשאר, הרעיד עוד פעם בלאט את הפעמון, שהשמיע רק צלצול אחד; אחר כך התחיל הרש, כחושב ומתגונן, להניע את כף הדלת, מושכה פעם אליו ומרפה ממנה פעם, בכדי להיווכח שוב, שהדלת אינה אלא נעולה בבריה.	הע C C: מושך אותה אליו ומרפה	הע C C: מעלה ומוריד אותה לסירוגין	הע C C: מושך ומרפה	(33)
<i>С криком вырвался кто-то внизу из какой-то квартиры, и не то что побегал, а точно упал вниз, по лестнице, крича во всю глотку: – Митька! Митька!... Шут те де-ри-и-и!</i>	בצעקה התפרץ מאן-זהו מאיזה מעון מתחת, ולא ירד במרוצה, אלא כמו נפל מעל המדרגות, שואג בקול מלוא גרונו: - מיטקה! מיטקה! ... ייקחך א-א-אופל!	הע C: כשהוא קורא	הע C: כשהוא צועק	C: צועק מלוא גרונו	(34)

Такой перевод деепричастных оборотов у Бреннера составляет менее четверти. Самым частотным в этой роли является спрягаемый инфинитив. Читая более поздние переводы, легко видеть, что спрягаемый инфинитив постепенно исчезает из арсенала переводчиков. У Вольфовского деепричастные обороты чаще всего переводятся придаточными, вводимыми כש (как в талмудическом иврите), а у Криксунова конструкция С причастием встречается чаще, чем у Бреннера.

Рассмотрим еще один пример перевода 20-х годов XX века – повесть Чехова «Степь. История одной поездки» (на иврите – "ערבה") в переводе Мордехая Харизмана [1927, צ'חוב]. В этом небольшом произведении около двадцати оборотов с деепричастиями настоящего времени (примерно половина всех употреблений деепричастий в повести) переведены с помощью ивритских причастных оборотов (С). Вот несколько примеров:

русский текст	перевод Харизмана
<i>Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали.</i>	צפופות ומציצות אישה מאחורי רעותה, התלכדו הגבעות הללו לרמה, המשתרבת לימין הדרך עד עצם האופק ונעלמת בתור המרחק הסגול. (35)
<i>Дрожь в воздухе, как насекомое, играя своей пестротой, стрепет поднялся высоко вверх по прямой линии.</i>	רוטט באוויר כרמש ומשחק בשלל גוניו, הִנְתָּא התרומם למעלה בקו ישר... (36)
<i>Поехала в Демидово к матери! – сказал он, краснея и перекладывая на другое место ружье.</i>	היא נסעה לדמידובו אל אמה! – אמר, מתאדם ומעתיק את הרובה למקום אחר. (37)
<i>Ах, ножки мои больные, стуженные! – говорил нараспев Пантелей, не слыша его и притоптывая ногами.</i>	אה, רגליי שלי החולניות, הקפואות! – דיבר בקול זמרני פנטלי, לא שומע ורוקע ברגליו. (38)

По своим синтаксическим особенностям перевод Харизмана напоминает сегодняшнюю ивритскую литературу. Конструкция С употребляется с глаголами самой разнообразной семантики, с пря-

мыми и косвенными дополнениями, и не только после главного сказуемого, но и в начале предложения (в зависимости от места деепричастного оборота в оригинале Чехова), и даже с отрицательной частицей. На этом примере можно наблюдать непосредственную связь между русским деепричастным оборотом и ивритским причастным в переводе прозы в 20-е годы XX века.

Конструкция С в раннесовременной литературе на иврите

Едва ли есть смысл в установлении четкой границы между литературой маскилим и современной литературой, однако влияние прозы начала двадцатого века на новейшую израильскую прозу несравнимо больше, чем влияние маскилим. Начнем обзор конструкций С в литературе современного периода с прозы Бялика, хотя бы потому, что сами израильтяне воспринимают его не как автора эпохи Просвещения, а как классика современной литературы. В прозе Х.Н. Бялика на рубеже XIX и XX веков есть несколько примеров конструкции С, в том числе конструкции С2, которую можно считать новаторской [1909, ביאליק]:

Сначала он влез головой в дырку, заглядывая туда-сюда, а затем и просовывая туда ногу, и все это осторожно и тихо

מתחילה תקע ראשו לתוך הפרצה, מציץ לכאן ולכאן, ואחר-כך מכניס רגל לשם, הכול בזהירות ובחשאי. (39)

[1917, ביאליק]:

Мой средний брат тер хрен на терке, морща лицо и чихая.

אחי האמצעי רסק מרור במגררת, מעקם פרצופו ומתעטש. (40)

Вполне вероятно, что Бялик использовал в своей прозе конструкцию С, разработанную Менделе Мойхер-Сфоримом, под влиянием последнего. Однако ни для прозы Бялика, ни для произведений авторов начала XX века, склонных к более новаторскому стилю, таких как У.Н. Гнесин и уже упомянутый Й.Х. Бреннер, не характерно употребление конструкции С в начале предложения. Такой порядок слов часто встречается в творчестве Х. Хазаза, особенно в новелле *חתן דמים* («Жених крови»), написанной в жанре мифа особой, поэтизированной прозой, например [153, 1929, הזהז]:

Обращая лицо, она устремлялась мыслями к скале на родине ее и зывала с грустью и тоской: «Скала, скала, скала, медное поле!»

הופכת פניה כיוונה לסלע מכורתה וקראה ברחישת געגועים ועזב: "סלע סלע סלע, שדה הנחושת!" (41)

В этом произведении встречаются даже две конструкции С, согласованные с одним и тем же именем – подлежащим, одно (С2) в начале предложения, другое (С1) в конце, после сказуемого [155, 1929, הזז]:

Смыкая одну руку с другой, она походила немного и села, опустошенная и растерянная.

קושרת ידיה זו בזו התנענעה נוע ונוע וישבה משוממת ומעורבת. (42)

Свободный порядок слов в предложениях с конструкцией С свойствен и творчеству Давида Фогеля. Вот два характерных примера, первый из повести "בבית המרפא" («В санатории», 1928), второй из "רומן וינאי" («Венский роман»), не изданный при жизни автора; год сочинения неизвестен):

Усталые и сонные, обе пары прошли в четыре часа ночи через весь дремлющий город из конца в конец.

יגעים ואחוזי תרדמה הלכו אחר-כך, בארבע אחר הצות, שני הזוגות דרך העיר המנומנמה מקצה לקצה. [פוגל, 2008, 81–82]

Гертруда обратила на мужа беглый презрительный взгляд, которого он не заметил. Скучая сказала: "Вы были совершенно правы".

גטרודה הטילה הבעלה מבט חטוף של בז, שנעלם מעיניו. משועממת אמרה: "צדקת לחלוטין". [פוגל, 2012, 137]

Как и Хазаз, Фогель мог употребить две конструкции С, согласованные с одним подлежащим, одну в начале предложения, другую в конце. Вот пример из «Венского романа»:

Опираясь грудью на подоконник, она глядела в пустоту, совершенно покинутая.

מסתמכת בחזה על אדן החלון, הביטה אל ריק, עזובה מאוד. [פוגל, 2012, 133]

Как уже упоминалось, в «Венском романе» Фогеля встречается и конструкция СЗ (пример 2).

В период создания «Жениха крови» Хазаз жил в Париже; в Палестину же он приехал позже. Повесть Давида Фогеля «В санатории» также была написана в Париже, а «Венский роман» – по-видимому, в Вене. Оба писателя, выросшие на Украине в конце XIX – начале XX века и в молодости уехавшие в Западную Европу, писали под сильным влиянием русского, немецкого и французского языков. Возможно, использование конструкции СЗ в «Венском романе» навеяно аналогичной конструкцией в немецком, например: *Die Hände in der Hosentasche, stand er ruhig da* (букв.: Руки в карманах брюк, он спокойно стоял там).

Конструкции С в израильской литературе наших дней

В сегодняшней израильской литературе конструкция С с причастием стала нормой художественной прозы на иврите, и в наши дни нет оснований приписывать ее использование непосредственному влиянию литературы на идише или на русском языке. Большинство писателей-уроженцев Израиля используют эту конструкцию в своем творчестве в большей или меньшей мере. Помимо различий в частоте использования конструкции, можно наблюдать разную «степень свободы» в выборе порядка слов у разных авторов. Так Дан-Беная Сери, уроженец Иерусалима, родители которого приехали из Йемена, использует С в конце или в середине предложения, но не в начале его, например:

*Осторожным шагом, следя за тем
чтобы не повредить складки платья,
она развязала веревку над крышкой
чемодана и извлекла из него кое-что
из того приданного.*

בפסיעות זהירות, נשמרת
שלא לפגום בקפלי השמלה,
התירה את החבל מעל מכסה
המזוודה והעלתה מתוכה
שמץ מאותה נדוניה.
[סרי, 1988, 25]

Интересно, что именно у этого писателя иногда нарушается правило односубъектности, характерное для деепричастных оборотов в

нормативном русском языке¹ и соблюдаемое на практике в конструкции С с причастием в современном иврите, например:

Буквальный перевод: Так, непосредственно улыбаясь (причастие мужского рода), *как будто выздоравливая* (причастие мужского рода) *после болезни, снова стал* (глагол женского рода, согласованный с существительным *крушить его злоеущий живот*. (47)

וכך, מחייך לתומו כמו נרפא ממחלתו, שבה מבלי דעת כרסו הרעה לתפוח. [סרי, 1988, 28]

При переводе конструкции С с причастием на русский язык в большинстве случаев идеально подходит деепричастный оборот либо обособленное определение, синтаксически близкое деепричастному обороту.² Вот пример конструкции С1 со страдательным причастием, которую уместно перевести с помощью обособленного определения (и вслед за ней еще одна, синтаксически однородная ей конструкция С с действительным причастием и косвенным дополнением):

– *Эй, сказала она мягко, немного удивленная, потрясая перед ним своими розовыми пальцами...* (48)

הי, אמרה רכות, מופתעת קצת, מנענעת כלפיו את אצבעותיה הוורודות... [גרוסמן, 2008, 162]

Хотя конструкция С встречается почти у всех современных писателей, у некоторых из них частота и разнообразие ее употребления особенно заметны. Писательницы Йегудит Кацир и Шифра Горн пользуются этой конструкцией очень часто, «чемпионом» же в этом смысле является проза Савион Либрехт. В любом, даже очень коротком рассказе этой писательницы читатель сталкивается с десятками

¹ См. главу «Деепричастие» в «Русской корпусной грамматике» [Деепричастие, электронный ресурс].

² В статье [Виноградов, 1955] говорится: «Обстоятельственное определение в известной степени эквивалентно деепричастному обороту при глаголе. Например: “Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом” (Пушкин. Евгений Онегин V 35)». Кстати, в этом месте в обоих ивритских переводах «Евгения Онегина» имеется конструкция С: в переводе А. Левинсона (1937): *בארוחה שמנה שמה, שכן למול שכן שמה*, в переводе А. Шленского (1953): *מארוחה של חג שמה נושף אורח מול אורח*.

употреблений С, причем не только причастных, но и именных – С3. Часто в одном предложении имеется две или три конструкции С. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров употребления конструкции С в ее рассказе "מסיבת האירושין של היותה" («Празднование Хаютиной помолвки»), в котором всего пять страниц и 26 конструкций С в составе 18 предложений (три из них спорные, поскольку главное сказуемое выражено глаголом настоящего времени, и возможна трактовка предложения как простое с однородными сказуемыми). Примеры с конструкцией С3 переведены буквально с русскими соответствиями в скобках.

- Бэлла, важность события уже доходит до ее сознания [т. е. уже осознавая важность события], ходила как лунатик между нарядными гостями, вращающимися, кубки с вином между их пальцами [т. е. держа между пальцами кубки с вином] среди мягких кругов света, которые излучали круглые садовые фонари на газон. (49) בלה, השיבות האירוע כבר מתחילה לגעת בהשגתה, הייתה נעה כסהרורית בין האורחים ההדורים, הסובבים, גביעי יין בין אצבעותיהם, בתוך הילות האור הרכות שפיזרו פנסי הגן העגולים על פני רחבת הדשא. [ליברכט, 1986, 126]
- Кружа по саду как во сне, Бэлла чувствовала счастье, присутствующее в ней как реальность. (50) סובבת בגן כבתוך חלום, חשה בלה באושר הקיים בה כממשות. [ליברכט, 1986, 126]
- Фотограф, со своего места около входа, поймал их объективом стоящими друг напротив друга в позе приветствия за краями стола, сверкнул своими молниями и улыбнулся, довольный, уже представляя себе готовый снимок. (51) הצלם, ממקום עמדו אצל הפתח, לכד אותם בעדשתו, עומדים זה מול זו בהצדעת ברכה מעבר לקצות השולחן, נצנץ בברקיו וחיך, מרוצה, כבר רואה בעיניו רוחו את התצלום המוגמר. [ליברכט, 1986, 127]
- Хаюта, букет роз все еще на ее кудрях и лицо ее очень бледно [т. е. «все еще с букетом роз на кудрях и с очень бледным лицом»] вытащила бумажную салфетку из чудо-коробки, выкидывающей тонкие бумажные квадраты один из пасти другого, и передала матери. (52) היותה, זר הוורדים החיים פורח עדיין על תלתליה ופניה היוורים מאוד, שלפה ממחטות נייר מתוך קופסת קסם המשלחת ריבועי נייר דקים זה מפי זה, ומסרה לאמה. [ליברכט, 1986, 128]

Эта небольшая группа примеров демонстрирует вариативность конструкции **С**: большинство их согласовано с подлежащим, но в примере 51 есть и **С**, согласованная с дополнением; **С** в виде именного предложения (**С3**) согласуется с различными именными членами предложения, причем иногда предшествует им, как в примере 50. Пример 51 иллюстрирует две однородные конструкции **С**, причем одна из них – **С1** и переводится на русский язык обособленным определением, а другая – **С2** и переводится на русский язык деепричастным оборотом (подобно приведенному выше примеру из романа Д. Гроссмана). Возможно, на стиль Либрехт, учившейся в Англии, повлияла не только сформировавшаяся ранее норма литературного иврита, но и синтаксис литературного английского языка, в котором есть и причастие (с окончанием -ing) в функции деепричастия, и конструкция **С3**.

Заключение

В этой статье проанализирована одна из самых распространенных в литературном иврите синтаксических конструкций, мало обсуждаемая в традиционном изучении синтаксиса и в профессиональной лингвистической литературе. Предлагается называть ее «конструкцией состояния» и рассматривать ее как бессоюзное придаточное, синтаксически зависимое от глагольного сказуемого, но согласованное с одним из имен, чаще всего с подлежащим. Истоки конструкции состояния, несомненно, в библейском иврите, однако влияние языков с деепричастными оборотами, прежде всего идиша и русского (а позднее, возможно, и английского) привело к значительному развитию этой конструкции, а именно к ее широкому употреблению с причастием с зависимыми словами – дополнениями, а также к разнообразию в выборе порядка слов: конструкция **С** может употребляться не только после глагольного сказуемого, но и перед ним. Конструкция состояния в современном иврите может выражаться не только причастным оборотом, но и именным предложением, и в этом случае можно указать на немецкое (а позднее, опять же, английское влияние).

Развитие и распространение конструкции состояния с причастными оборотами привело, по-видимому, к вытеснению близкой по смыслу конструкции со спрягаемым инфинитивом. Последняя часто употреблялась в литературе начала XX века, в том числе при переводе деепричастных оборотов с русского и других языков, сегодня же ее употребление – большая редкость.

Библиография

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения, (на материале русского языка). // Вопросы грамматического строя. Москва, 1955. С. 389–435.
2. Деепричастие. Русская корпусная грамматика. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 25.06.2013). На правах рукописи. М., 2011.
3. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., Москва, 1941, 288 с.
4. Davidson A.B., Introductory Hebrew Grammar – Hebrew Syntax, Edinburgh 1896, 233 p.
5. Okalani-Kahn L. The Verbal System in the Late Enlightenment Hebrew, Brill, 2009, 310 p.

6. אורנן ע'. המשפט הפשוט. ירושלים, 1979.
7. יואלי מ'. תחביר עברי. תל-אביב, 1962.
8. נהיר ש'. עיקרי תורת המשפט. חיפה, 1963.
9. פרץ י'. תחביר הלשון העברית. תל-אביב, 1950.
10. צדקה י'. לוואי-מצב, תיאור-מצב או נשוא-מצב. // צדקה י', מחקרים בתחביר ובסמנטיקה. באר שבע, 1997. עמ' 309–319.

Список источников лингвистического материала исследования

1. אברמוביץ ש"י. האבות והבנים. אודסה, תרכ"ח (1868).
2. ביאליק ח"נ. מאחורי הגדר. השילוח (העורכים: קלוזנר י' וביאליק ח"נ), כרך כא. אודסה, אב תרס"ט, טבת תר"ע (1909), עמ' 217–226, 332–325, 483–496.
3. ביאליק ח"נ. החצוצרה נתביישה. כנסת, דברי ספרות (העורך: ח"נ ביאליק), אודסה תרע"ז (1917), עמ' 145–156.
4. גרוסמן ד'. אישה בורחת מבשורה. ישראל, הוצאת הקיבוץ, 2008.
5. דוסטויבסקי פ' מ'. החטא ועונשו (תרגום ברנר י"ח). תל-אביב, הוצאת נ' טברסקי, תש"ז (1947).
6. דוסטויבסקי פ' מ'. החטא ועונשו (תרגום ולפובסקי מ"ז). תל-אביב, הדפסה שישית 1969.
7. דוסטויבסקי פ' מ'. החטא ועונשו (תרגום זמירי א' וז'). ישראל, הוצאת לדורי 1988.
8. דוסטויבסקי פ' מ'. החטא ועונשו (תרגום קריקסונוב פ'). ישראל, הוצאת משכל, 1995.
9. הזז ח'. חתן דמים. 1929.
10. טולסטוי ל' נ'. מלחמה ושלוה, (תרגום טריווש י"א). כרך ראשון. ורשה, תרפ"א (1920).
11. טולסטוי ל' נ'. מלחמה ושלוה (תרגום גולדברג ל'). מהדורה שנייה. תל-אביב, 1960.
12. ליברכט ס'. תפוחים מן המבדר. ירושלים, הוצאת כתר, 1986.

13. מוכר ספרים מ'. כל כתבי מנדלי מוכר ספרים. אודסה, 1913, כרך ב'.
14. מוכר ספרים מ'. די קליאטשע. ורשה, 1912.
15. סרי ד'-ב'. ציפורי צל. ירושלים, הוצאת כתר, 1988.
16. פוגל ד'. בבית המרפא. ישראל, הוצאת הקיבוץ המאוחד, 2008.
17. פוגל ד'. רומן וינאי. תל-אביב, הוצאת עם עובד, 2012.
18. צ'חוב א' פ'. ערבה (תרגום חריזמן מ'), ירושלים, הוצאת מצפה, תרפ"ז (1927).
19. קציר י'. העננים נוסעים, נוסעים. // מגדלורים של יבשה. שלושה סיפורי מסע. ישראל, הוצאת הקיבוץ המאוחד, 1999.
20. שטיף נ'. וועגן אייניקע זאצן-פארבינדונגען בא מענדעלען. // שטיף נ', יידישע סטיליסטיק, מוסקבה-כרקוב-מינסק, 1930.

Об авторах

Бакулина Наталия Валериевна, к.п.н., старший научный сотрудник лаборатории обучения русскому языку и языкам других этнических меньшинств института педагогики НАПН Украины, г. Киев, Украина;

Дубнова Керен, Ph.D., ученый секретарь Академии языка иврит, лектор Педагогического института им. Давида Елина, г. Иерусалим, Израиль;

Израэли Сара, старший преподаватель кафедры изучения иврита как иностранного языка Школы для иностранных студентов им. Ротберга Еврейского университета в Иерусалиме, автор ряда университетских учебников по ивриту для начинающих, разработчик программы по ивриту NETA для VI-XI/XII классов школ в странах еврейской диаспоры, г. Иерусалим, Израиль;

Ишай Варда, старший преподаватель кафедры изучения иврита как иностранного языка Школы для иностранных студентов им. Ротберга Еврейского университета в Иерусалиме, автор ряда университетских учебников продвинутого уровня по ивриту, г. Иерусалим, Израиль;

Заславски Рина, директор отдела иврита и самоидентификации департамента русскоязычного еврейства Еврейского агентства для Израиля, г. Иерусалим, Израиль;

Козулева Анастасия Дмитриевна, магистрант кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия;

Кондракова Юлия Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры древнееврейского языка и литературы, заместитель декана по науке филологического факультета Государственной классической академии им. Маймонида, г. Москва, Россия;

Марьянчик Евгений Борисович, к.т.н., проф., директор Межрегионального центра преподавания иврита, руководитель проекта ALE по преподаванию иврита в школах СНГ, г. Ашдод, Израиль;

Панова Татьяна Александровна, лингвист, участник российско-германского проекта по созданию электронного корпуса языка идиш, г. Санкт-Петербург, Россия;

Ромашов Дмитрий Витальевич, ассистент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, редактор Ресурсного информационно-методического центра еврейского образования, г. Санкт-Петербург, Россия;

Скородумова Полина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;

Федченко Валентина Владимировна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия;

Цукер Шева, Ph.D., исполнительный директор организации «Идиш-лига», главный редактор журнала на идише «Афн швел» (Нью-Йорк), автор учебников по идишу, г. Нью-Йорк, США.

Содержание

<i>От редакции</i>	5
<u>ФИЛОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ</u>	
<i>К. Дубнова (г. Иерусалим, Израиль). «Конструкции состояния» в современном иврите – история развития</i>	7
<i>П. Скородумова (г. Москва, Россия). К вопросу о семантической редукации в иврите</i>	30
<i>А. Козулева, В. Федченко (г. Санкт-Петербург, Россия). Бер Борохов. «Задачи еврейской филологии». Перевод и краткий филологический комментарий к статье</i>	40
<i>Т. Панова (г. Санкт-Петербург, Россия). Идиш в современных хасидских печатных изданиях</i>	66
<u>ОРГАНИЗАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ</u>	
<i>Ю. Кондракова (г. Москва, Россия). Преподавание иврита на территории бывшего СССР</i>	87
<i>Д. Ромашов (г. Санкт-Петербург, Россия). Преподавание иврита на кафедре еврейской культуры СПбГУ: воплощение замыслов</i>	102
<i>Р. Заславски (г. Иерусалим, Израиль), Е. Марьянчик (г. Ашдод, Израиль). Об опыте внедрения программы NETA в VI-XII классах еврейских школ стран СНГ (2005-2013 гг.)</i>	108
<i>С. Исраэли (г. Иерусалим, Израиль). Начинать всегда тяжело</i>	127
<i>В. Ишай (г. Иерусалим, Израиль). Пути формирования навыков письменной речи</i>	137
<i>Н. Бакулина (г. Киев, Украина). Ориентировочные требования к оцениванию учебных достижений учащихся по языку иврит (V-IX классы)</i>	150
<i>Ш. Цукер (г. Нью-Йорк, США). Как редактировать журнал на идише в наши дни?</i>	175
<i>Об авторах</i>	179